

Пролог

Илья Егорович Елагин, племянник князя Голицына, с самого пробуждения чувствовал себя неважно. Непонятное недомогание, преследующее его, с каждым днем все больше давало о себе знать.

Все началось полгода назад, когда он — влиятельный дворянин, один из приближенных к правителю княжества — слег на неделю с банальной болезнью легких. Самые лучшие лекари боролись за жизнь аристократа, и в итоге хворь была побеждена, но, по-видимому, дала осложнения, из-за которых Илью Егоровича начала мучить постоянная слабость, а по ночам он страдал от невнятных, незапоминающихся видений.

Недомогание, вызванное болезнью, победить не удавалось. Лекари разводили руками, а к жрецам Четырех Илья Егорович обращаться не рисковал: внутренний голос твердил, что добром общение со служителями богов не закончится. К интуиции дворянин привык прислушиваться — она пока что ни разу его не подводила.

День клонился к закату. Выпив горький отвар, который по обещаниям лекарей должен был даровать ночь без сновидений, Елагин устало закрыл глаза, чтобы больше не проснуться... На его месте оказалась новая личность.

Битрикс

Сбросив с себя тяжелое одеяло, которым так любил укрываться Елагин, Битрикс поднялся с кровати. Полгода он провел в заточении, изучая привычки, манеру поведения, характерные фразы своего носителя. Полгода он удерживал строптивного дворянина от общения со жрецами Четверых. И наконец, свобода. Наконец-то можно управлять телом самостоятельно, а не быть безучастным статистом, спрятавшись на задворках сознания.

Первая часть плана повелителя прошла без осечек. «Осечки»... От таких слов надо отвыкать, в этом мире огнестрел не прижился, а лишние вопросы Битриксу не нужны. Он привлекать к себе внимание не должен, для этого существует еще один пришелец, которого жрецы Четырех так и не поймали. По крайней мере, люди в городах все еще пропадали в застенках монастырей, а значит, поиски продолжаются.

Полгода, проведенные на окраине сознания Елагина, позволят Битриксу без проблем продолжить изображать из себя недомогающего дворянина. Пройдет еще пара месяцев, и никто уже не заметит небольшие странности в его поведении, тогда-то можно будет приступить к главной задаче, ради которой повелитель прислал сюда своего слугу.

Две тысячи лет назад, когда современные княжества еще не существовали, пятеро великих магов того времени достигли в своем могуществе таких высот, что начали считать себя богами. Несколько столетий они правили этим миром, но однажды Четверо объединились, чтобы убить того, чье имя за давностью времен забылось, осталось только прозвище — Пятый.

Они вероломно напали на бога, но убить не смогли — он оказался для них слишком силен, однако противостоять объединенной четверке повелитель Битрикса не мог, и ему пришлось бежать.

Миров, где магия могла даровать Пятому те же возможности, что и здесь, почти не было, а те, что нашлись, охранялись своими богами, и беглому существу там места не нашлось.

Скитания по вселенным длились столетия, и всё это время изгнанный бог мечтал вернуться домой. И именно Битрикс должен был помочь этим планам осуществиться.

Четверо закрыли мир, но в любой защите можно найти брешь, и Пятый смог отправить сюда двоих — случайного человека, служащего для отвлечения внимания жрецов, и Битрикса — верного слугу, который должен захватить власть в княжестве и бросить все силы государства на постройку грандиозного артефакта, который откроет повелителю дверь в эту реальность.

Глава 1

— Даррелл! Даррелл! — оторвал меня от медитации взволнованный голос Витька. Новая техника, которой нас обучили в самом начале весны, позволяла очень точно чувствовать токи силы во всем теле и держать постоянную связь с магическим полем. А возможность мгновенно призвать себе на службу невидимую энергию, пронизывающую эту планету, мне очень понравилась. Естественно, любое заклинание, чуть более сложное, чем рассекающий удар или защитная сфера, требовало определенного времени на подготовку, но в любом случае медитация оказалась крайне полезной техникой.

Я привычно расположился на небольшом пригорке, откуда был виден практически весь интернат, и наслаждался по-летнему ярким солнцем. Стылая осень и малоснежная зима остались позади, зелень, бурно выстрелившая пару месяцев назад, затянула все доступное пространство, а поляны пестрили цветами разной степени яркости. И эту идиллию разрушил вечно взъерошенный и суетливый Витек:

— Даррелл! Ты слышишь меня, или как?

— Что случилось? — открыл я глаза. — Ты так кричишь, будто умер кто-то.

— А... — разочарованно протянул пацан. — Так ты уже знаешь.

— Понятия не имею, о чем ты. Давай только коротко и по существу.

— Юрий Орлов умер! Убили его, представляешь!

— Это который брат князя? Он же ни разу не слабее Александра. Ты вообще откуда об этом узнал?

— Так все говорят! Приехал днем обоз с продуктами, вот извозчик и рассказал. Говорит, напали на Юрия, когда он на границу ездил с проверкой. Даджохи убили, не иначе.

— Это тоже извозчик сказал?

— Не, это уже я додумал, — ухмыльнулся Витек. — Ну сам посуди, кто еще может мага из княжеского рода убить, если не убийцы магов? Сходится? Сходится.

— Может быть. Ну допустим, убили Юрия, нам-то что с этого? Ты ко мне так бежал, будто в интернат сам князь приехал.

— Так война будет. Говорят, Александр сейчас за брата мстить пойдет и всех воинов своих собирать начнет.

— Витек, говорить могут все что угодно. Не стоит верить слухам, они редко оказываются правдой.

— Умничаешь, как всегда, — отмахнулся парнишка, — ну ладно, я побегу еще кому-нибудь расскажу.

Витек за семь месяцев, прошедших со дня испытания, практически не изменился. Все такой же беспокойный и острый на язык, когда не надо. Магом он так и остался посредственным — слабый дар не позволял показывать хорошие результаты, что не мешало пацану из раза в раз попадать в неприятности. Он даже в холодной побывал опять, хотя и зарекался туда попадать.

Полгода пролетели совершенно незаметно. После испытания, ставшего смертельным барьером для восьмерых курсантов, жизнь интерната вновь установилась, разбавляемая редкими конфликтами среди воспитанников да несколькими случаями травматизма во время учебных спаррингов, один из которых, к сожалению, привел к гибели невезучего парнишки. Таким образом, нас осталось в группе двенадцать человек.

Практически незаметно подкралась осень, забрав тепло и принеся с собой промозглые вечера и длительные дожди. Отопления в казармах предусмотрено не было, и пацаны по очереди, как могли, обогревали помещение с помощью магии, хорошо хоть теплую одежду нам выдали. И только мы привыкли к этой погоде, нагрянула зима. Малоснежная, совсем не такая, к которой я привык на Земле, но все же зима. И прохлада осени начала вспоминаться с теплом, как бы смешно это ни звучало.

В один из таких стылых дней Даррелл отпраздновал пятнадцатилетие, а еще через неделю я — свои тридцать два года. Не знаю, случайно ли так вышло, но родились мы в один и тот же месяц, конечно, если

посчитать, что время в наших мирах текло одинаково и сюда я попал в тот же день, что и умер на Земле.

Вслед за редкими снегопадами, идущими чаще всего вперемешку с дождем, пришла долгожданная весна. Даже пары месяцев отвратительной погоды хватило всем, чтобы соскучиться по солнечным дням, а мне — по центральному отоплению. Да и в баню я бы не откасался сходить. Жаль только, что такой возможности нам никто не предоставил.

Почти год минул, как я находился в интернате. Три месяца — до испытания и семь — после него.

Испытание. Вряд ли я когда-нибудь забуду тот день, когда восемь из тридцати двух воспитанников погибли под мечами плененных воинов Каспийского княжества. Пацанов было до сих пор жаль, а при воспоминаниях о княжиче Георгии кулаки у меня сами по себе сжимались в бессильной ненависти. Во многом из-за этого гаденьша так много парней сложили голову на арене. Да и сам я чуть не погиб. Со временем злость немного поутихла, но не до конца.

Десять месяцев в интернате дали мне многое, и в первую очередь это — возможность освоить магию. Дар, что достался Дарреллу от двух линий довольно знатных предков, одним из которых являлся, кто бы мог подумать, Клайд Гибсон — глава Берегового союза, позволял манипулировать магическим полем, но самостоятельно освоить все возможности не представлялось возможным. Уверен, что персональные наставники, доступные большинству отпрысков дворянских домов, могли бы научить меня большему, вот только где их взять? Так что обучение в интернате оказалось отличным выходом из моего непростого положения.

К сожалению, за последние пару месяцев я все чаще ловил себя на мысли, что мое развитие останови-

лось. Я слишком сильно перерос всех, кто учился вместе со мной. И дело тут не столько в усердии, сколько в банальном происхождении. Слабый дар одноклассников не позволял им осваивать сильные заклинания, по крайней мере сейчас. Хотя, глядя на то, как тренируются старшие курсы, не думаю, что в дальнейшем многое изменится. Само собой, были среди воспитанников и обладатели сильного дара, вот только насчитывались их единицы. В нашей группе, к примеру, такими оказались всего трое, если не считать меня, — Ждан, Берт и Капитон. Причем они так явно выделялись на фоне остальных, что невольно закрадывались подозрения, не являются ли они отпрысками каких-нибудь любвеобильных дворян?

Уверен, связи между простолюдинами и аристократами редкостью не являлись, вот только в этом обществе подобное чрезвычайно сильно порицалось, и плоды подобной любви изводили еще в утробе матери или избавлялись от них сразу после рождения. Но, как видно, кто-то выживал. У таких бастардов, вероятно, обнаруживался дар, и в итоге интернаты пополнялись потенциально сильными магами. Хотя с обычными дворянами и они сравнятся все равно не могли — разбавленная кровь, как ни крути.

Вот и получилось так, что в нашей группе были слабые ученики, сильные и я. Занятия, посвященные магии, мне с каждым днем становились все менее интересны, приходилось большую часть свободного времени тратить на самообучение, как, например, сейчас. Увы, но доступ к индивидуальным тренировкам с Михаилом у меня закрылся сразу, как кончились деньги, а достать их было неоткуда. Имелись, правда, мысли, что можно каким-то образом получить деньги со счета отца Даррелла, но, увы пока я числился воспитан-

ником интерната, любые финансовые операции мне были недоступны.

Думал я и о том, что можно занять денег у Дементьева (мы поддерживали с ним связь через письма), но этот вариант тоже отпал: у Григория начались серьезные проблемы, связанные с бизнесом. Как он и предполагал, столичное дворянство, не без участия княжьей семьи, пыталось отобрать у него заводы, придерживаясь пока что законов, но долго они в либеральность играть не будут, и рейдерский захват вполне мог стать реальностью в ближайшее время. Так что у Дементьева и без меня хватало неприятностей.

«No money, no honey», как говорится. Грустно было без финансов, но не идти же воровать монеты в трактире, а сбегать до столицы и обратно за ночь, да еще и денег там добыть, было не реально. Так что самообучение — наше все.

Не забывал я и про работу с пацанами. После испытания, когда угроза быть убитым на арене исчезла, от дополнительных занятий отказалась половина группы — к чему напрягаться себя лишний раз, если можно найти дела поинтереснее, да и мерзнуть на мокром полигоне не нравилось никому. Однако с самыми стойкими мы вечерние тренировки не прекращали.

Вокруг меня благодаря таким занятиям собралась небольшая группа наиболее упорных учеников; некоторых из них я вполне уже мог назвать друзьями. С тем же Бертом мы прекрасно поладили, и молчаливый, не по возрасту серьезный парень стал отличным противовесом шалопаю Витьку.

Со Жданом, однако, так до конца наладить отношения и не удалось. Калинин, несмотря на испытание и последующие месяцы, проведенные в одной казарме,

относился ко мне с недоверием, хотя и прежней ненависти в его глазах я не видел.

В общем, жизнь интерната текла своим чередом, придерживаясь определенного внутреннего ритма. Учеба, тренировки, вечерние посиделки в казарме во время самых сильных дождей или снегопадов. И эта своеобразная идиллия, вероятно, сегодня дала трещину. Смерть Юрия Орлова накануне нашей отправки на границу ничего хорошего не сулила.

Вялотекущая война с Каспийским княжеством, которая в последние двадцать лет практически потухла, могла разгореться с новой силой, и не удивлюсь, если нас кинут в самое пекло. Вероятность этого, конечно, невелика — толку от магов-первогодков не слишком много, но кто знает, что творится в голове у людей, заведующих местным цирком под названием армия.

Чтобы хоть как-то прояснить ситуацию, я с сожалением поднялся с теплой весенней травы, размял затекшее тело и отправился на поиски Леонида. Если уж кто и мог сказать что-то более внятное, чем слухи, так это он.

По вечерам наставник чаще всего пропадал либо на тренировочной площадке, либо в административном корпусе. Насколько мне было известно, Леонид интернат покидал не слишком часто, предпочитая проводить время в казенной комнате, а не в собственном доме, который, по слухам, находился где-то в столице. И я его даже понимал: таскаться каждый вечер в большой город, а утром обратно то еще удовольствие.

Административный корпус был разделен на две части, в одной находились канцелярия, кабинет директора и несколько других помещений неизвестного назначения, а вторая часть, имеющая собственный вход,

служила по сути общежитием для преподавательского состава и наставников. Нахождение здесь курсантов было не то чтобы запрещено, но, скажем так, не поощрялось, и на воспитанников, шляющихся поблизости, смотрели с неодобрением, однако мне требовалась информация.

Стук костяшек по обитой железом двери разлетелся по всему коридору. Получив разрешение, я вошел внутрь комнаты, застав Леонида за чтением книги.

Темноволосый, поджарый мужчина, невзлюбивший меня с самого первого дня в интернате, после испытания и событий в столице полностью поменял свое отношение, и пусть на занятиях все было как раньше, наедине наше общение стало более неформальным.

— Не нравится мне твое выражение лица, Даррелл. — Мужчина оторвался от книги. — Что случилось?

— Да пока ничего. — Я подошел к столу, пытаюсь понять, что читает наставник. — Говорят, Юрий Орлов погиб на границе. Это правда?

— Да, — Леонид отложил фолиант в сторону, — три дня назад. Весь интернат уже знает?

— Угу, а если и нет, то Витек постарается, чтобы узнали все.

— Этот может, — вздохнул мужчина. — Переживаешь за свое будущее?

— С учетом того, что через несколько недель нам предстоит отправиться на границу, то естественно.

— Войны не будет, если ты думаешь об этом. Доказательств причастности Каспийского княжества к убийству нет.

— Это может быть только официальной версией, да и войны начинались по куда меньшим поводам.

— Даррелл, я обычный наставник и знаю ненамного больше вашего. Что ты от меня хочешь?

— Я хочу понять, к чему нам готовиться?

— А есть разница? Что-то поменять не в наших силах. Если ничего не изменится, то вы отправитесь куда-нибудь на границу с Галицким княжеством, браконьеров да контрабандистов ловить. Ну а нет, так нет. Куда скажут, туда и двинемся.

— Понял. Что хоть читаешь?

— Да так, — Леонид, отодвинул книгу еще дальше, — зарисовки путешественников прошлого.

— Ну-ну, — усмехнулся я, заметив в верхнем углу страницы название: «Любовные похождения Вискерса».

Не ожидал я от наставника любви к бульварным романам, однако мысли о книжных предпочтениях Леонида выветрились из головы, стоило вспомнить о причине, приведшей меня сюда.

Если княжество действительно собирается начать полноценную войну, то целесообразность моего нахождения в интернате ставится под большой вопрос. Год назад я планировал отучиться здесь три года и стать впоследствии полноценным членом общества. Тот факт, что интернаты готовят по сути пушечное мясо, на мои намерения особо не повлиял: дворянину с сильным даром выжить в мелких приграничных конфликтах труда не составит. Теперь же ситуация изменилась.

Я все еще не считал себя готовым к свободному плаванью в этом мире, но и сдохнуть где-нибудь на границе от массивной атаки вражеских магов как-то не горел желанием.

По идее, можно сбежать из интерната. Дементьев, несмотря на свои проблемы, должен помочь с новыми